

РАЗВОД ФИКТИВНОМІ, СВАДЬБА НАСТОЯЩАЯ

КСЕНИЯ МАРШАЛ

РАЗВОД

Я (не) буду мстить

Ксения Маршал

Развод. Я (не) буду мстить

«Автор»

2026

Маршал К.

Развод. Я (не) буду мстить / К. Маршал — «Автор», 2026

– Сколько еще ждать, Андрей? – звучит капризный голос нашей няни. Надо же, никогда не замечала у нее таких стервозно-требовательных интонаций. Обычно с Маришей она сама доброта. – Еще совсем немного, кис, – обещает мой муж. – Мне осталось только дом продать, и я буду все так же богат, но зато свободен. – Я уже восемь месяцев жду! Так никакого терпения не хватит, – обиженно выговаривает Олеся. – Когда ты упрашивал меня быть с тобой, обещал, что скоро выгонишь свою женушку. А по факту она мне почти год глаза мозолит!***Что ж, в этом раскладе у меня единственный козырь – информация, да немного времени в запасе. И я сделаю все, чтобы воспользоваться ими с умом!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ксения Маршал

Развод. Я (не) буду мстить

Глава 1

Развод фиктивный, свадьба настоящая!

Воскресенский последняя сволочь! Об этом я узнаю чисто случайно, подслушав чужой разговор.

А как заливал!

– Дорогая, это все ради семьи. Любимая, я делаю это только для вас! Наш развод – чистая фикция. Просто так нужно для дела. Ну вот какая разница, что там написано у нас в документах? Главное, что вот тут, – на этих словах он непременно прикладывал мою ладонь к области сердца. Мол, я и дочь навсегда там, а нашей любви не страшны никакие условности. – Ты же знаешь, ты и Маришка – самое ценное, что есть у меня в жизни...

А ведь меня предупреждали! Не зря судья так странно на меня смотрела, когда я самоотверженно отказывалась от любого совместно нажитого имущества. Как на ненормальную. Видимо, сильно удивлялась моей блаженности. А я такой и была! Смешно сказать, почти год жила с Андреем. Еще и всем вокруг доказывала, что развод у нас фиктивный, существующий только на бумаге.

– Так нужно для бизнеса, мам, – в который раз разъясняла я родительнице.

Она только качала головой. А я верила! Верила мужу и в мужа. Как же иначе? У нас ведь настоящая любовь и дочка вон недавно родилась. Он даже пуповину сам перерезал. И вообще, как это – родному мужу не доверять? Кому тогда?

– Инвесторы отказывались вкладываться в его компанию, пока он женат, – продолжала я защищать Воскресенского. – Потому что, случись что, при разводе мы бы все пополам поделили. Они не хотели рисковать, вот и пришлось оформить бумаги. – Ты же сама видишь, как после всего у него дела в гору пошли. И деньги теперь совсем другие.

– Андрею, конечно, хорошо, кто же спорит, – качала головой мама. – Деньги рекой и никаких обязательств. А ты по факту для него посторонний человек. Ни кола, ни двора, да ребенок грудной на руках. Если выгонит он тебя, то и окажешься на улице. А ведь свой бизнес он начинал на твои деньги. Те самые, которые ты выручила с продажи бабушкиной квартиры. И не докажешь потом ничего, сама в суде ото всего добровольно отказалась.

– Мам, ну какое выгонит? Это другие мужики ненормальные, а мой Андрей не такой. Все у нас замечательно. Не надо нагнетать, пожалуйста.

Время показало, что мама была права. Все вокруг были правы, и только я одна жила в выдуманном мирке с радугой и розовыми единорогами. И пока Воскресенский выводил активы, продавал недвижимость и всячески готовился к новой холостой, беззаботной и сытой жизни, я продолжала пребывать в неведении.

Но ни один обман не длится бесконечно долго...

Открывает глаза на происходящее чистая случайность. Мы как раз отмечаем годик нашей дочери. Праздник я устроила с размахом. Обратилась в специальное агентство, пригласила всех родственников и друзей. Ведущий, аниматор, фокусник, фотограф, видеограф – все по высшему разряду. А как же – такое событие! Один годик бывает лишь раз в жизни.

Гости как раз смотрят салют с террасы полностью выкупленного ресторана, а я отхожу к распорядителю, чтобы уточнить кое-какие моменты. И спотыкаюсь, когда прохожу мимо туалетов.

– Сколько еще ждать, Андрей? – звучит капризный голос нашей няни.

Надо же, никогда не замечала у нее таких стервозно-требовательных интонаций. Обычно с Маришей она сама доброта. А тут вдруг какому-то Андрею не повезло. Интересно, чем провинился?

Собираюсь уже прошмыгнуть мимо, как вдруг из-за неплотно прикрытой двери звучит голос моего мужа. И понимание, что это не какой-то Андрей, а мой собственный, стрелой прошивает грудную клетку.

– Еще совсем немного, кис, – обещает он. – Мне осталось только дом продать, и я буду все так же богат, но зато свободен.

– Я уже восемь месяцев жду! Так никакого терпения не хватит, – обиженно выговаривает Олеся.

У меня же тем временем что-то нехорошее с организмом творится. Как будто ребра постепенно ломаются и заворачиваются вовнутрь, раздирая острыми краями все в кашу. А в голове шум, как при взлете истребителя. И картина мира никак не складывается. Потому что детали не подходят друг к другу, они из разных наборов и никогда в жизни не должны были соприкоснуться!

– Подними юбочку, я быстренько скрашу твоё ожидание, – интимно рокошет Воскресенский. Его интонации я ни с чем не перепутаю – столько раз их сама слышала по ночам. Тело даже сейчас реагирует дрожью, хотя предназначались они не мне. – Пальцами или языком?

Чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Звук в ушах нарастает. Даже странно, что сквозь него я все еще слышу.

– Языком, – повелительно и с долей снисхождения. Мол, так и быть, она разрешает. Слышится шорох, протяжный стон, а потом наша няня продолжает: – Когда ты уговаривал меня быть с тобой, обещал, что скоро выгонишь свою женушку. А по факту она мне почти год глаза мозолит!

Это я ей мозолю? Хватает же совести гадине! Стою, покачиваясь и сжимая руки в кулаки. Мне так плохо – вот-вот в обморок свалюсь. Дыхания не хватает – кислород внезапно какой-то не такой. Голова кружится, как у пьяной. И сознание мутится. Может, мне все это кажется?

– М-м-м, киса, – доказывая жуткую реальность происходящего, тянет мой муж. Мой бывший муж. Бывший! Бывший! Бывший! Очевидно, мне нужно зарубить себе это на носу. Мы ведь и в самом деле официально в разводе. Так что... никто друг другу. – Совсем чуть-чуть осталось. Ты такая вкусная... М-м-м... Анька как раз скоро улетит с дочкой на море, я же ей путевку сегодня подарил. А я как раз освобожу дом для новых владельцев. Так что вернется моя бывшая женушка уже к своим родителям и перестанет нам мешать.

– Точно? – мерзкий голос няни с требовательными интонациями врывается в самый мозг.

Голову разрывает от неожиданного открытия и чужой подлости. Я ведь даже не подозревала, что так можно.

– Точно-точно. Ты и сама не представляешь, как я задолбался от жизни с ребенком. Это же постоянные вопли, недосып и вечно уставшая, недовольная жена. Я не на такое подписывался, когда брал Аньку в жены. Она хотя бы привлекательная была. Теперь стыдно ее показать хоть кому-то. А ты ее сиськи после кормления видела? Отвратительное зрелище. Сам не понимаю, как целый год выдержал. На что только не пойдешь, чтобы свои деньги сохранить...

– Не отвлекайся, продолжай давай, – требует Олеся.

А я зажимаю рот ладонью и бегу, куда глаза глядят.

Глава 2

– Вам плохо? – меня ловит официант и не дает упасть.

Трясу головой, то ли подтверждая, то ли отрицая. Тошнота все активнее подкатывает к горлу, в голове крутятся обрывки подслушанных фраз и мерзких звуков. А разбившаяся картина реальности уродливо искажается и пытается собраться в новую. Такую, которой не противоречат открывшиеся факты. Не подходит к ней только один, который гласит, что Андрей Воскресенский хороший любящий отец и прекрасный верный муж. Тот самый факт, на котором зиждилась вся моя жизнь, на поверку оказывается ложным.

Видимо, зажатый ладонями рот и дорожки слез, расчертившие мои щеки, подсказывают официанту, что мне все-таки нехорошо. Он приводит меня в служебный туалет и оставляет.

Организм понимает, что мы наконец одни, и заставляет меня согнуться над унитазом. Тело прошибают судороги. Вся еда выходит наружу. Стоит только подумать, сколько всего себе позволял бывший муж, а потом приходил ко мне в постель, как меня вновь и вновь выворачивает наизнанку.

После родов я долго не могла восстановиться, поэтому супружеский долг был отложен на три месяца. Потом мне было больно. Потом я валилась с ног от недосыпа. И в итоге сама не заметила, как муж перестал приходить за мной в детскую и звать в спальню. Не удивлюсь, если ему уже тогда грела постель наша услужливая ушлая няня.

А ведь какую кроткую овечку из себя все время строила Олеся!

«Да, Анна Михайловна. Хорошо, Анна Михайловна. Как скажете, Анна Михайловна!»

Ну чудо, а не помощница. Еще бы знать тогда, что помогала она не только мне, но и моему мужу. Понятное дело, что уволь я ее, и голубки нашли бы другое место, где предаваться плотским наслаждениям. Но это происходило бы не у меня под носом!

Минут пятнадцать я борюсь с дурнотой. Еще десять уходит на то, чтобы привести себя в относительный порядок. Мочу бумажное полотенце и протираю лицо. Благодаря профессиональному фиксатору макияж на месте. Остается лишь стереть следы от слез, да промокнуть влажные глаза.

Руки трясутся, стоит только подумать, что мне нужно вернуться к гостям и делать вид, будто ничего страшного не произошло. Будто моя жизнь не перевернулась только что, разбившись на осколки и собравшись обратно в неправильном порядке.

А после мы отправимся домой, и Олеся, конечно же, поедет с нами в машине. Она всегда и везде с нами ездит. И комната ее на втором этаже, поблизости от детской – чтобы недалеко бегать было. Так Андрей решил. Он, собственно, ее в дом и привел. Интересно, она хотя бы няня настоящая? Или все подтверждения ее квалификации еще одно вранье?

До чего же я дура! Правы были все вокруг, когда не верили в фиктивность развода... Идиотка я клиническая. Клуша, которая дальше своего носа ничего не видит. Еще и грудь некрасивая со слов Воскресенского...

Тоже мне ценитель женской красоты выискался. Эстет фигов.

Разрешаю себе сделать еще пару глубоких вдохов и покидаю тесное помещение. Меня всю колотит. Даже каблук цокает болезненно и не ритмично. Кусаю губы – во рту привкус горечи и соли. Первой меня ловит мама. Именно с ней я оставила Маришку, когда пошла искать распорядителя.

– Вот ты где! Успела решить свои вопросы? Торт скоро будет? А то Мариша уже носом клюет, ей спать пора, – мама заваливает информацией. Потом, видимо, что-то читает по моему лицу, потому как спрашивает: – Ты вообще в порядке? Выглядишь бледной.

– Нормально, – мой голос больше похож на карканье старой вороны. – Наверное, съела что-то не то, – вру неуклюже.

– А такой приличный ресторан с виду, – родительница качает головой. – Да и гости вроде в порядке. Может, ты того, – кивает на мой абсолютно плоский живот, – еще одного ждешь?

«Да Боже упаси!» – хочется воскликнуть мне. Только не от мерзавца-муженька. К счастью, такой вариант исключен. Последняя близость у нас состоялась в конце лета, а сейчас начало зимы: снег везде лежит, город постепенно украшается теплыми огоньками, гирляндами и светящимися фигурами.

– Нет, – выдыхаю с ужасом, а мама вдруг хохочет:

– Ты бы проверилась все-таки. Единственный способ контрацепции со стопроцентной гарантией – это воздержание. А у твоего Воскресенского слишком сытый и довольный вид, дабы всерьез рассматривать этот вариант, – сама того не осознавая, режет меня без ножа мама.

Наверное, сейчас хороший момент, чтобы рассказать ей обо всем, нажаловаться и поплакать в жилетку. Но я не делаю этого. Потому что точно знаю: стоит мне только раскрыть рот, как маленький снежный комок превратится в лавину, которая непременно снесет меня. Я не удержусь – это точно.

К тому же не хочется портить первый праздник дочери скандалом. Моя мама не из тех, кто, заполучив столь вопиющую информацию, станет молчать. Узнай она обо всем, и безобразный конфликт обеспечен. Пусть уж лучше у Маришки останутся добрые впечатления от торжества.

Ну а мсть – это блюдо, которое подают холодным. Кинуться грудью на амбразуру я всегда успею. Гораздо правильнее будет успокоиться и пораскинуть мозгами. Раз уж судьба подкинула в мою незавидную партию один-единственный козырь в виде информации, следует распорядиться им с умом. Я обязательно сделаю все, что в моих силах, чтобы Андрей Воскресенский пожалел о своем низком поступке.

Глава 3

Конец праздника для меня проходит как в тумане. Я с кем-то разговариваю, помогаю сидящей у меня на коленях Маришке попробовать торт, слежу за тем, чтобы не перепачкалась. Даже позволяю Андрею обнимать нас с дочерью, изображая перед всеми счастливое семейство. Правда, в эти моменты застываю и становлюсь неживой. Как будто само сердце перестает биться и останавливает ток крови в сосудах. Но стоит только бывшему муженьку отойти в сторону, как время, а вместе с ним – и процессы в моем организме, возобновляют свой бег.

В машине сижу сзади, рядом с дочерью. Олеся – на переднем сиденье, рядом с Воскресенским. Как обычно, только теперь воспринимается абсолютно в ином свете. И всю дорогу до дома я борюсь с острым желанием придушить гадину. Или выкинуть из машины на асфальт. На крайний случай – выдрать добрую половину пышной шевелюры.

Не в рамках борьбы за мужа, нет! Андрей мне теперь ни на что не сдался – разве можно продолжать любить того, кто методично уничтожает вот уже год? А за соучастие. За то, какое унижение и боль заставила меня испытать на пару с предателем. Еще и улыбалась в лицо каждый день. Complimentами сыпала.

«Какое красивое у вас платье, Анна Михайловна. Вам так идет новый блеск для губ. До чего вкусные кексы вы печете, Андрей Григорьевич наверняка вас на руках носит» ...

Что ж ты, хорошая моя, ни разу не упомянула, как сильно тебе мой муженек нравится?

Кажется, за время пути до дома я всю эмаль на зубах стираю. Хорошо хоть Маринка уснула, напраздновавшись, и не переняла моего настроения. Она у меня очень чуткая девочка, и мое состояние бы точно заметила. Можно ли сказать, что мне повезло?

Перенести дочь из машины в детскую Воскресенскому не позволяю. Беру ее сама и гордо топаю вперед. Впрочем, меня никто и не отговаривает. Голубкам явно по душе такое положение вещей. Мне даже кажется, что я слышу тихое довольное хихиканье за спиной, когда поднимаюсь на второй этаж.

Что ж, развлекайтесь, пока можете. До самого утра остаюсь в комнате с Мариной. Сплю на диване. И нет, я не прячусь трусливо. Я дарю себе передышку и берегу нервы. А еще – не хочу снова потратить полчаса, склонившись над унитазом и освобождая желудок. Хватит с меня.

И все же ночь я провожу в слезах. Оплакиваю свой брак, свою растоптанную любовь, свое преданное доверие. Мысленно снимаю разбитые розовые очки и погребая их под толстым слоем серого пепла реальности. Рыдания душат, заставляя утыкаться лицом в подушку, чтобы не разбудить дочку. Заснуть удастся лишь под утро.

А просыпаюсь я полностью разбитой. Чувство такое, будто меня грузовик сбил. Буквально заставляю себя встать и начать действовать. Страдания-страданиями, а меня, кроме себя самой, никто не защитит.

Первое, что делаю, пока дочь еще спит, иду в кабинет и достаю договор с няней. К неудобству Воскресенского и Олеси он заключен лично со мной. Это они недальновидно конечно... Но по-другому я бы и не согласилась. Все, что касается Мариши, проходит мой строгий, тотальный контроль. Так... расторжение договора в одностороннем порядке. Прекрасно!

Со спокойной душой иду в детскую. Моя малышка уже сидит в кроватке и вовсю занимается с мягким зайцем – ее любимой игрушкой.

– Привет-привет! – подхватываю свое счастье на руки.

– Ма! Ма! Ма! – твердит мое солнышко и широко улыбается.

Любуюсь Маришкой. Такая она чудесная! Складная, миленькая, жизнерадостная и очаровательно-неуклюжая, куда уж без этого. Первым делом идем в ванную и меняем подгузник. Умываемся, чистим зубки. Дальше на кухню – завтракать.

Хоть сегодня и выходной, встретиться с Андреем я не боюсь. Он давно уже взял за привычку работать в такое время, возвращаясь домой только после обеда. Кто знает, может, у него там красивая и безотказная секретарша – вот и катается туда Воскресенский без устали. Я уже ничему не удивлюсь.

Пока варю кашу, мою чернику. Маришка в это время занимается со специальным развивающим столиком.

– Доброе утро, – на кухне появляется Олеся и широко зевает.

Мой муж не дал выспаться? Бедняжка. По себе помню, какие аппетиты у Андрея. Неутолимый человек! Вот только жизни с маленьким ребенком и женой, ставшей чуть менее привлекательной, не выдержал.

– Олеся, твоя помощь мне больше не понадобится, – сообщаю холодно.

– О, спасибо за выходной, Анна Михайловна. Вы лучшая! – сияет наша няня, которая трудится даже по ночам. В особенности – по ночам. Думаю, Воскресенский не раз выписал ей премию за рвение на рабочем месте.

– Ты не поняла, Олеся, – качаю головой, помешивая кашу. – Ты мне совсем не нужна. Я разрываю с тобой договор в одностороннем порядке. Так что собирай вещи и уезжай. Больше тебе в этом доме делать нечего, – я намеренно не называю дом «моим». Язык не поворачивается, раз уж Андрей его втайне продал. – Расчет на карту я уже перевела.

И тут наша няня радикально меняется. Расправляет плечи, выпячивает грудь, высокую и налитую – не чета моей собственной. Из ее больших ореховых глаз исчезает выражение туповатой готовности услужить. Вместо этого появляется высокомерный блеск хищницы, знающей себе цену и готовой идти по головам.

Олеся берет за телефон и предупреждает с апломбом:

– Андрею Григорьевичу это не понравится.

Глава 4

Кто бы сомневался, что не понравится. Но в этом и смысл. У меня не так много времени осталось до отпуска, в который так торопится сбегать нас с дочерью муженек. А там уже карета превратится в тыкву. И самое мудрое, что я могу сделать – это максимально усложнить жизнь Воскресенскому и вместе с тем подстелить себе соломку. Ибо по замыслу мужа возвращаться мне будет уже некуда.

Так разве должна я в этой ситуации покорной овцой идти на заклатание и упрощать предателям жизнь?

– В этом вопросе мы как-нибудь без тебя разберемся, – одариваю бывшую няню еще одной холодной улыбкой.

Внутри у меня все бушует, гнев рвется наружу. С каким удовольствием я бы отпустила себя. Позволила брызнуть злым слезам и выволокла бы гадину из дома за волосы. Но нельзя – мы же цивилизованные люди.

Согласно законам современного общества, цивилизованные люди делают друг другу гадости тихо, скрытно, улыбаясь при этом в лицо, но ломая так, чтобы жертва не могла больше встать. Вот это культурно, вот это интеллигентно. А волосы драть – признак примитивного быдла. Так-то.

Олеся только хмыкает надменно и, резко развернувшись, уходит.

– У тебя полчаса, чтобы покинуть дом, – бросаю ей в спину. – Не доводи до того, чтобы я выпроваживала тебя с полицией.

– Да пошла ты, – звучит тихое сквозь зубы, но я все равно слышу.

Не реагирую. Последние силы уходят на этот диалог и на то, чтобы держаться. Больше ресурсов нет. Меня колотит. Слезы с новой силой начинают течь. Хотя, казалось бы, за целую ночь они должны были иссякнуть. Но нет, похоже, их у меня бездонный колодец.

Бросаю короткий взгляд на дочь – она занята игрушкой и на меня не реагирует – и отворачиваюсь к плите. Выключаю конфорку, перекладываю кашу в детскую тарелку на присоске, посыпаю сверху ягодами. В кружку-непроливайку наливаю воду. Еще какое-то время стою и дышу, успокаиваясь.

«Ты молодец, Аня!» – хвалю себя мысленно. – «Ты обязательно справишься. Ты все делаешь правильно. И не ты виновата в том, что все это происходит».

А может быть я? Может, если бы я лучше за собой ухаживала, наносила бы каждый день макияж и выполняла супружеский долг даже через боль, Воскресенский не стал бы смотреть на сторону? Ведь говорят же, что в разводе виноваты двое. Получается, я была плохой женой?

Пока Маришка увлеченно ест кашу, я лезу на форумы. Пытаюсь отыскать ответы на свои вопросы, но так ничего толкового и не нахожу. Куча историй, еще больше рассуждений на тему, всяческих мнений. Единого, естественно, нет.

Да и, с другой стороны, ладно бы Андрей мне просто изменял, я бы могла, скрепя сердце, признать, что в том есть доля моей вины. Но муженек же решил избавиться от нас с дочерью, как от ненужного балласта! Просто вышвырнуть вон, напоследок кинув кость в виде поездки на море. И то не из-за мук совести, а ради удобства – чтобы под ногами не путались.

В чем же тут моя вина? В том, что всю жизнь была честной и никогда никого не подставляла? Поэтому Воскресенский решил, что меня можно шваркнуть, оставив на улице? Бомжом! Если потерявшую былую пышность грудь я признать готова, то к больной жадности бывшего мужа уж точно никакого отношения не имею.

И дочка наша тем более не виновата! Ни в том, что плачет по ночам, ни в том, что требует массу времени и заботы. А желать с появлением ребенка жить как прежде, свободно и безза-

ботно, не что иное, как эгоизм и инфантильность. Очень жалко, что я разглядела эти качества Воскресенского только сейчас.

А ведь я считала, что у меня идеальный муж! Высокий, привлекательный, успешный. У него даже пресловутые шесть кубиков пресса имеются – тренировки в спортзале он не пропускает. Вот только не про мою честь вся эта роскошь оказалась.

Обидно? Не знаю. Я скорее шокирована. Андрей выбил почву у меня из-под ног. И теперь моя единственная задача – устоять. Как минимум – не расшибиться при падении, ведь я не только за себя отвечаю, но еще и за Маришу. Поэтому не позволяю боли захватить себя. Сгребая ее в плотный комок, утрамбовываю и заталкиваю как можно глубже. Сперва я сделаю все от меня зависящее, а потом уже можно будет жалеть себя. Желательно не на улице и не под открытым небом.

За завтраком удастся впихнуть в себя лишь чашку эспresso. От чего-то большего организм попросту отказывается. Тусуемся с Мариной на кухне, пока в холле не появляется Олеся с двумя чемоданами. Бросает на меня брезгливый взгляд, а потом молча уходит, шандарахнув дверью напоследок.

– У вас все в порядке? – тут же появляется Артур, наш домоправитель.

– Нет, – отвечаю глухо и отворачиваюсь, давая понять, что эту тему я продолжать не намерена.

Спустя несколько минут забираю дочку из высокого стульчика, умываю и вместе с ней поднимаюсь наверх. Моя цель – кабинет Воскресенского. Там сажаю малышку прямо на пол и занимаю развивающим планшетом. Минут пятнадцать свободного времени у меня есть.

Первым делом лезу в сейф. Сгребая часть налички и золотых украшений – Андрей любит покупать толстенные цепи, вкладывая таким образом свободные деньги. Все документы, которые лежат внутри, фотографирую. Потом фотографирую бумаги в столе. Лезу в компьютер и пытаюсь добраться до паролей, но у меня ничего не получается.

Краем глаза замечаю машину Воскресенского, заезжающую во двор, и трясущимися руками торопливо заметаю следы. Сердце колотится в горле – только бы не попасться!

В самый последний момент успеваю подхватить Маришу с планшетом и выскочить в коридор. Награбленное запикиваю в большую вазу с сухоцветами.

– Аня! – раздается злой голос бывшего мужа с первого этажа.

«Он понял, что я все знаю и готовлюсь к мести? Или увидел, как я роюсь в его документах?» – прошибает паническая мысль.

Но мне нужно еще немного времени!

Глава 5

– Аня, ты совсем рехнулась? – орет с первого этажа Андрей. – Тебе моча в голову ударила? – похоже, чувствует, что конец близок, и уже не в силах продолжать играть роль примерного мужа.

– Не ори, – говорю строго. Я появляюсь наверху лестницы с дочкой на руках и свысока смотрю на муженька.

Удивительное дело, его правильные черты, стать, идеально сидящий костюм больше не кажутся мне привлекательными. И, если раньше я смотрела на Воскресенского и сама себе завидовала, то сейчас диву даюсь. Передо мной зажавшийся мужик, оборзевший от того, какие возможности перед ним открыли большие деньги. Нувориш, не справившийся с блеском медных труб.

У него же это буквально на лице написано: «Еще! Еще! Себе! Себе! Заграбастать как можно больше!»

А я, слепая идиотка, не замечала.

– Ты ребенка пугаешь! Если есть, что сказать, говори нормально, – наверное впервые за долгое время осаживаю мужа. Ах да, бывшего мужа.

С появлением Мариши я стала всецело зависима от Андрея. И он, в полной мере почувствовав это, принялся продавливать. Сначала потихоньку, потом сильнее, а в конце уже пер, как асфальтоукладчик, сминая любые мои возражения. И я как-то незаметно привыкла. Смиряться, подчиняться, уступать превратилось в привычку.

Итог, как водится, плачевен. Я прогибалась под Воскресенского, а в качестве благодарности он решил вытереть об меня ноги.

– Если бы ты ни с того, ни с сего не вышвырнула нашу няню, тебе бы было, с кем оставить ребенка. Вот скажи, ты вообще нормальная? – голос бывшего мужа все еще громкий и наполненный гневом, но все же далек от крика.

Только я не обманываюсь. Андрей уступил лишь для того, чтобы не мучить себя прослушиванием детской истерики, которая непременно бы наступила, продолжи он скандалить.

– Олеся мне больше не нужна, – сообщаю ровно.

И так хочется продолжить! Сказать что-то типа: «Если она так сильно нужна тебе, то флаг в руки. Только не в доме, где живу я с дочкой». Но я стискиваю зубы и молчу. Понимаю, что еще не время. Хотя язык так и жжет от невысказанных слов. Мне почти больно.

И еще более становится от того, с какой силой Маришка стремится к отцу.

– Па-па-па! – тянет она ручки и улыбается искренне.

У меня все сжимается в болезненный комок. Дочка такая открытая в своей любви, такая настоящая, а Воскресенскому это не нужно. Мы обе ему не нужны. И если свое разочарование я готова пережить, то за невинного ребенка обидно до слез. Потому что она заслуживает отцовской любви просто так. По праву рождения!

Но Андрей гораздо больше любит деньги и беззаботность. Замечаю, как он в раздражении поджимает губы.

– Могу я хоть дома отдохнуть? – рявкает он. – Пашу без выходных, а вы на шею сесть готовы. Никакой благодарности!

«При чем тут мы, дорогой?» – так и тянет поинтересоваться. Ведь пашет он ради своего собственного блага. Наш удел – остаться на обочине жизни, в то время как сверкающий лимузин Воскресенского понесет его дальше в прекрасную жизнь.

И снова молчу. Сейчас время собирать камни, а не бросаться без толку, словно брехливая собака.

Отворачиваюсь и ухожу. Меня колотит. От этой стычки. От понимания, что я продолжаю свою маленькую месть – ведь гнев бывшего муженька вызван исключительно тем, что удобной любовницы теперь не будет под рукой. А всякое видеонаблюдение и запись с экрана компьютера – всего лишь плод моего разгулявшегося воображения. На воре, как известно, и шапка горит.

Не желает горе-папаша с нами общаться, что ж, мы не настаиваем. Не такой уж и праздник лицезреть его кислую недовольную рожу. До вечера занимаюсь исключительно Маришей. Мы играем, делаем много полезных упражнений. Например, перекладываем фасоль из большой чаши в бутылку с узким горлышком. Смотрим развивающие карточки. Читаем стихи. Долго гуляем. Сидеть на участке нет никаких сил – слишком отвратительно чувствовать, что Воскресенский где-то поблизости.

Поэтому, дождавшись, когда дочка устанет, я укладываю ее в коляску и иду тихонько бродить наружу. Улочки нашего коттеджного поселка уже украшены гирляндами. Воздух свежий, чистый – одно удовольствие дышать. Легкий морозец чуть пощипывает щеки. И я наслаждаюсь немпешной спокойной прогулкой ровно до того момента, пока передо мной не останавливается блестящий представительский седан.

– Анна, – наружу выбирается высокий мужчина в кожаной куртке нараспашку.

Его голос тяжелый. Требовательные интонации ложатся грудой булыжников мне на плечи. Я знаю этого человека с внешностью отпетого бандита. Огромный, всегда небритый, предпочитающий кожанки, джинсы и грубые ботинки. Если честно, слегка пугающий меня. Это Вадим Тарханов, главный конкурент мужа. Мы не общаемся, конечно же. Тем непонятнее, что от меня нужно Тарханову.

– Ваша семья всегда грязно вела дела. Но на этот раз Воскресенский переступил все мыслимые границы. Неужели ты можешь спокойно воспитывать с ним ребенка, зная, на какие поступки способен твой муж?

Глава 6

«Не могу и не буду воспитывать с ним ребенка» – отвечаю мысленно. Только не после того, как Андрей поступил со мной и дочерью. Теперь Воскресенского для меня попросту больше не существует. Но жаловаться постороннему человеку мне, конечно же, и в голову не приходит.

– Мы уже год как не семья, – роняю я отстраненно.

Понимаю, так себе объяснение. Жаль, на большее я сейчас не способна.

– Да все в курсе, что вы живете вместе, – перебивает Вадим нетерпеливо. – Ладно я, я уже почти привыкший к выкрутасам твоего муженька. Но есть ведь и другие люди, которым не по вкусу такие методы. Они точно терпеть не будут. Если не хочешь оставить девочку сиротой, поговори с ним.

– Прошу прощения, вы не по адресу, – выдыхаю тихо и вместе с коляской все-таки объезжаю монументальную фигуру Тарханова.

О лишнем стараюсь не думать, не пускаю плохие мысли в голову. Наверняка он говорил не серьезно. В наше время уже никого не убивают. Беспредел давно в прошлом, это даже я знаю. Ну а то, какие методы выбирает Воскресенский, я имела честь прочувствовать на собственной шкуре. Так что, если вдруг Андрея поймают за задницу и закроют лет на пятнадцать, плакать точно не стану. Носить передачи, впрочем, тоже. У него теперь для этих дел Олеся есть.

– Зря, – летит мне в спину разочарованное. – Я был о тебе лучшего мнения.

Да и меня тоже никто к предательству самого близкого человека не готовил. Жизнь – боль, как говорится. Соболезную тем, кто ищет в ней справедливости.

К счастью, Вадим не бросается меня догонять. И я гуляю еще часа два. Вернувшись, ужинаем с Маришкой тем, что оставила для нас кухарка. Воскресенского не видать, и я мечтаю, чтобы так оно и продолжалось.

Он объявляется уже вечером. Когда я купаю дочь в ванне с пенкой. Мы делаем сугробики, и нам очень нравится.

– И нахрена было выгонять Олесю? – раздраженно топчется рядом. – Сейчас бы свободна была.

«Что, милый, так быстро спермотоксикоз замучил? Какая досада».

– Мне нравится проводить время с Маришкой, – жму плечами.

Внешне я – само спокойствие. Внутри же очередная буря закручивается. В ней микс из обиды, горечи, гнева, злорадства и ледяного желания отомстить.

– Лучше бы с мужем проводила, – продолжает брюзжать Андрей.

«К сожалению, он был занят нашей няней» – посылаю мысленный ответ.

– Дя-дя-дя! – Мариша начинает недовольно бить ладошами по воде. Ну конечно, все внимание мамы должно быть сосредоточено на ней.

Пена летит во все стороны, попадает на шелковые домашние брюки Воскресенского. Тот раздраженно цокает и наконец уходит.

– Быстрее давай! – бросает напоследок.

Я даже начинаю думать, что зря вышвырнула Олесю. Так бы Андрей был занят исключительно няней, а меня оставил в покое.

Конечно, искупав Маришу, я никуда не иду. Остаюсь с ней в комнате. Мы включаем ночник в виде полумесяца, и я по памяти читаю дочке Мойдодыра. Потом долго лежу и обнимаю свое счастье. Сегодня я не смогла отправить ее в кроватку и положила с собой на диване.

Напитываюсь этой особенной детской нежностью. Бережно откладываю в памяти драгоценный момент. И непроизвольно дергаюсь, когда дверь в детскую резко открывается. В проеме появляется хмурое лицо Воскресенского.

– Аня, – шипит недовольно. – Я же сказал, побыстрее! Ты специально мои нервы испытываешь?

Вы посмотрите, какой нетерпеливый! И эгоцентричный. Как будто все происходящее сосредоточено исключительно вокруг его несравненной персоны. Потрясающее самомнение, конечно.

– Чего тебе надо, Андрей? – шиплю в ответ.

– Жену мне свою надо, что непонятно? – он еще сильнее раздражается. – Забыла уже, когда с мужем последний раз была. У тебя там наверняка заросло уже все. Ясное дело, тебе всегда больно. Разрабатывать надо!

Не будь в моих руках Маришки, я бы непременно сомкнула их на шее ублюдка-муженька. Просто не выдержала бы и набросилась дикой разъяренной кошкой. Тоже мне, разработчик нашелся! Олеси с красивой грудью под рукой нету, так и я сгложусь? Может, еще и свет придется выключить или пакет на голову надеть?

Мамочки, как же мне выдержать до конца? Где найти терпение?

С силой зажмуриваюсь. Прогоняю собравшиеся выступить слезы – не сейчас, не перед ним.

– Ты врач? – интересуюсь.

– Чего?

– Ты не врач, говорю. Вот и не надо мне указывать, что разрабатывать, а что нет, – припечатываю. – Уйди из детской. Ты разбудишь Маришку, а укладывать мне.

– Ты в себя поверила, что ли? – хмыкает бывший муженек, явно не ожидавший отпора от всегда покладистой супруги. – Быстро в спальню, и чтоб не писка мне. Иначе рот заклею.

– Ты оглох, Воскресенский? Я сказала нет.

– Да срать я хотел, чего ты там вякаешь! – повышает голос он. – Не хочешь по хорошему, заставлю по плохому.

– Только попробуй! – срываюсь на шипение.

– Я предупреждал, – жмет плечами Воскресенский.

За два шага он оказывается возле дивана, хватает меня и резко дергает вверх. Подлетаю, как пушинка и оказываюсь в его руках.

– Ты будешь делать то, что я сказал, – цедит он мне на ухо, сжимая изо всех сил ягодицу. Синяк точно останется. – А теперь на колени и работай ртом, раз дыркой отказываешься. И не советую кочевряжиться, я ведь и заставить могу, – урод давит мне на плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.